

Владимир Колганов

Толстые

безвестные
И
знаменитые

16+

Владимир Алексеевич Колганов

Толсты́е: безвестные и знаменитые

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54138854

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-06479-9

Аннотация

Предметом исследования стали биографии некоторых представителей рода Толстых. Понятно, что наибольшее внимание уделено личности Льва Николаевича и его многочисленному семейству. Автор попытался разобраться в причинах тех или иных поступков классика и его детей. Выводы основаны на анализе содержания дневниковых записей и свидетельствах современников. С помощью интернета читатель сможет убедиться в подлинности использованных цитат – достаточно поместить часть фразы в строку поиска и заключить в кавычки. Оформление обложки выполнено автором.

Содержание

Глава 1. Толстые и Дурные	4
Глава 2. Славы и денег!	15
Глава 3. Деревенский философ	36
Глава 4. Женская логика, или издержки воспитания	55
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Владимир Колганов

Толстыё: безвестные и знаменитые

Глава 1. Толстые и Дурные

В те времена, когда знатное происхождение давало немалые привилегии, многие дворянские семьи в России озаботились составлением родословных, берущих начало в Европе или в Золотой Орде. Известно, что из 540 служилых родов, подавших свои родословия в Разрядный приказ, только 35 признали своё исконно русское происхождение. Прусские рыцари и татарские ханы в качестве далёких предков были гораздо предпочтительнее, нежели служилые русские люди, получившие дворянское звание от государя за свои ратные подвиги или иные богоугодные дела.

Когда во главе российской знати стояли Рюриковичи, с ними не мог тягаться в знатности ни один род. Однако с воцарением династии Романовых появилась возможность, не претендуя на власть, заявить о себе как о потомке влиятельных людей, а не каких-нибудь непомнящих родства Иванов. Так и возникло множество «документально» оформленных легенд, согласно которым, к примеру, Годуновы вели свой

род от татарского мурзы Чета, Лермонтовы – от шотландца Лермонта, Бестужевы – от англичанина Беста, ну а Толстые – от литовца Индроса, хотя некоторые представители рода Толстых утверждают, что их пращура называли Индрис. Об этом сообщает «Российская родословная книга» Петра Долгорукого, изданная в 1855 году:

«Предокъ ихъ *Индрисъ*, по свидѣтельству черниговскаго лѣтописца, прибылъ изъ Германіи въ Черниговъ, въ 1353 году, съ двумя сыновьями и съ дружиною, из трехъ тысячъ человекъ состоящую. Всѣ они приняли православную вѣру».

В 1686 году Пётр Андреевич Толстой, стольник при дворе Ивана V Алексеевича, представил в Разрядный приказ следующую справку о своём происхождении:

«В лета 6861-го [1352/53] прииде из немец ис цесарского государства муж честного рода именем Индрос з двумя сыны своима с Литвонисом да с Зигмонтеном а с ними пришло дружины и людей их три тысячи мужей и крестися Индрос и дети его в Чернигове в православную христианскую веру и нарекоша им имена Индросу Леонтием а сыном его Литвонису Константином а Зигмонтену Федором; и от Константина родился сын Харитон, а Фёдор умер бездетен, о сём пишет в летописце Черниговском».

Летописное свидетельство было к тому времени утрачено, так что проверить сообщение Петра Андреевича никто не смог, да никаких проверок и не требовалось – стольник это вам не какой-нибудь смерд, чтобы ему не доверять. Со вре-

менем предпринимались попытки ещё более приукрасить семейную легенду – возникло «уточнение», согласно которому под именем Индриса скрывался граф Анри де Монс, отпрыск старинного графского рода из Фландрии. Якобы после неудачного крестового похода на Кипр он решил не возвращаться на родину, дабы избежать позора, а предпочёл служить московским князьям.

Ещё более невероятное толкование литовской версии тоже связано с Западной Европой. Среди предводителей Первого крестового похода был граф Балдуин де Булонь – в 1100 году он стал королем созданного крестоносцами Иерусалимского королевства. Так вот один из его потомков по какой-то причине отправился в Литву, где получил во владение деревню Тухачево, местоположение которой, увы, так и осталось неизвестным. Именно он стал основателем рода Тухачевских, упоминание которого здесь вполне оправдано, поскольку Тухачевские в стремлении утвердить своё знатное происхождение претендовали всё на того же Индриса в качестве основателя рода. К этому следует добавить, что по семейному преданию Тухачевских Индрис был венгерского происхождения. Есть сведения, что, помимо Тухачевских и Толстых, с Индрисом связывали историю своего рода и Урусовы. Однако в «Российской родословной книге» о пращуре Урусовых приведены такие сведения:

«Едигей-Мангит, знаменитый военачальник в службе Тамерлана, впоследствии владетельный князь Ногайский, жил

во второй половине XIV и в начале XV века».

Скорее всего, имя Индрис имеет тюркское происхождение. В 1865 году был составлен «посемейный список жителей Малой Кабарды, которые отправляются в пределы Турецкой империи». Среди них некто Индрис с сыновьями Хатиза, Мирзакан и Хажимурза. Хаджи Сафар Мирзаев также намеревался взять с собой сыновей – Индриса и Асху. У Ибрагима Хамова одного из сыновей тоже звали Индрис. Тюркская версия не вызывает удивления, поскольку из пятисот дворянских родов России более ста имели татарские корни.

Впрочем, высказывалось предположение, что литовские предки легендарного Индриса успели породниться с татарами, поэтому он и получил такое имя. Но, так или иначе, его европейское происхождение маловероятно, хотя при желании можно найти выход из этой ситуации. А что если допустить, что Индрис вовсе и не Индрис? Ведь в записях могла возникнуть орфографическая ошибка – и вместо «к» написали «с». Тогда место Индриса «по праву» занимает Индрик, настоящий европеец – упоминания об Индриках встречаются в скандинавских сагах. Ещё немножечко усилий – и Индрика можно превратить в Хендрика, а там и до Генриха недалеко.

Согласно легенде, которой придерживаются представители рода Толстых, правнук Индриса, Андрей Харитонов сын, в середине XV века получил от великого князя московского Василия II Васильевича Тёмного прозвище Толстой, ко-

торое и стало отличительным «знаком» этого рода. Потомки Андрея Харитоновича с тех пор стали именоваться в Бархатной книге среди других наиболее знатных боярских и дворянских фамилий. Но как же прозвище Толстый пристало к потомку легендарного Индриса?

Лингвисты утверждают, что в русском языке это прилагательное употребляется с XI века в формах «тъльсть», «тъльстый» в значении «толстый», «жирный». Предпринимались попытки иначе объяснить возникновение прозвища «толстый» – якобы оно означает «дородный, сильный». Цель такого толкования понятна – не пристало русской знати вести свою фамилию от столь «несимпатичного» эпитета. Однако вряд ли «толстый в объёме» можно интерпретировать, как «сильный», по крайней мере это верно далеко не всегда.

На первый взгляд, причиной появления такого прозвища могла быть необычайная тучность, полнота Андрея Харитоновича. Но дело в том, что такой фигурой никого не удивишь, особенно, если человек носил модную в те времена одежду – кафтан свободного покроя, да ещё отороченный мехами. Более вероятно, что речь шла не о туловище, а о другой части тела – о голове. Из «Российской родословной книги» известно, что сын князя Юрия Тарусского получил прозвище «толстая голова» – было это в XIV веке:

«Пятый сынъ Св. Князя Михаила Черниговскаго, князь Юрій Михайловичъ Торусскій, имѣлъ сына Ивана, по прозвищу толстая голова, коему далъ во владѣніе, въ Алексин-

скомъ уѣздѣ, волость Сапрыскину в городище Волкону на рѣчкѣ Волховкѣ, отчего потомки его и писались, сперва Волхонскими, а потомъ Волконскими.

Колено I: Князь Иванъ Юрьевич Толстая Голова...»

Не исключено, что подобные прозвания, как «толстая» или «дурная голова» считались в те времена комплиментом особого рода, которого удостаивались только люди знатные. К примеру, в Бархатной книге родоначальником семейства Дурново назван Микула Фёдорович, внук Василия Юрьевича Толстого, живший в середине XV века и по преданию получивший прозвище Дурной. Наверняка, и в этом случае речь шла о дурной голове, что означает, будто человек в сущности хороший, только умом немного слабоват. Подобные соображения применимы и к дворянскому роду Хитрово, ведущему своё происхождение от Эду-хана по прозвищу Сильно-Хитр. В конце XIV века он выехал из Золотой Орды в Рязанское княжество и принял крещение под именем Андрей. Здесь следует иметь в виду, что хитрость, как и дурость – это свойство ума, а не какие-то малозначительные внешние признаки, которые были основой для появления таких «простонародных» фамилий, как Рябов (от слова «рябой»), Веснушкин или Конопатов.

Подтверждением версии о связи прозвища Толстой именно с содержимым головы, а не с какой-то другой, возможно, интимной частью тела, может служить сочинение французского консула Виллардо под названием «Краткое описание

жизни графа Петра Андреевича Толстого», опубликованное на русском языке в 1896 году:

«Толстой, будучи адъютантом Милославского, не мог избежать запутанных интриг своего генерала, который употреблял его для оболыщения стрелецких голов и для раздачи им значительных сумм. Этого обстоятельства царь Петр I никогда не забывал. В конце своей жизни, глядя по голове своего любимца Петра Андреевича, он приговаривал: "Голова, голова!... Отрубить бы тебя надобно, да жаль: ума в тебе много"».

Есть и другая версия этой сцены. Будто бы однажды на пиру Петр I сдёрнул со своего соратника парик, похлопал по голому черепу, приговаривая: «Головушка, головушка, если бы ты не была так умна, то давно бы с телом разлучена была». Странно, что потомки Петра Андреевича не обратили внимания на эту фразу – гораздо приятнее вести свой род от «толстой головы», чем от «толстобрюхого».

Итак, Пётр Андреевич Толстой был сыном окольного Андрея Васильевича Толстого и Соломонида Милославской, дальней родственницы царицы Марии Ильиничны Милославской. Вот что написал о начале его карьеры Виллардо:

«Одна барышня, по имени Марфа Матвеевна Апраксина, сестра покойного адмирала Апраксина, каким-то чудом сделалась супругою царя Феодора, старшего из сыновей царя Алексея Михайловича. Пётр Толстой, пользуясь покровительством этой царицы по родству с ней, поступил ко двору

и, будучи ещё очень молодым человеком, сделался камергером царя. Смерть царя Феодора побудила его оставить двор и поступить в военную службу. Он сделался адъютантом генерала Милославского».

В 1682 году по совету дяди, Ивана Милославского, Толстой принял весьма опрометчивое решение поддержать стрелецкий бунт. Через несколько лет, после низложения регентши Софьи Алексеевны, Толстой пересмотрел свои взгляды на перспективы становления российской государственности и перешёл на сторону царя Петра:

«Толстой, будучи адъютантом Милославского, не мог избежать запутанных интриг своего генерала, который употреблял его для оболыщения стрелецких голов и для раздачи им значительных сумм. Родственник его, Апраксин, бывший впоследствии генералом-адмиралом, принадлежал к противоположной партии, т.е. к партии Петра I. Он успел перетянуть туда и Петра Андреевича».

Однако прошло немало времени прежде, чем Толстой завоевал доверие государя. Сначала Толстой проявил себя в ратных делах, участвуя в Азовском походе, а затем выбрал иное приложение для своих недюжинных способностей:

«Толстой, имея большие виды на значительное возвышение и не видя возможности отличиться в военных делах, придумал перейти в министерство иностранных дел. Для достижения этой цели он старался ухаживать за графом Головиным и сумел угодить ему. Получив от Толстого в подарок

две тысячи золотых червонцев, Головин представил его царю, как человека способного занять вакантное место посланника при Порте».

Правда ли всё это или только выдумки Виллардо, не суть важно. Понятно, что и в те далёкие времена трудно было продвинуться по службе без протекции влиятельного лица или без солидной взятки.

Царь не ошибся в своём выборе. Толстой проявил себя как искусный дипломат в переговорах с правителями Османской империи и европейских держав:

«Самое неприятное дело во время посольства его в Константинополе было у него с секретарём посольства. Всем известно, что деньги, раздаваемые в Диване [аналог кабинета министров], сильнее действуют, чем красноречие министра, которое без денег бесполезно. Толстой привёз с собой 20000 золотых червонцев для подкупа членов Дивана. Он, без сомнения, издержал на это часть суммы, но не всю. Секретарь посольства счёл себя обязанным уведомить об этом царя, своего государя; но граф Головин, принимавший участие в делах Толстого, заставил последнего тотчас же возвратить деньги, назначенные для раздачи».

Эта история стала известна Петру I и могла бы поставить крест на карьере Толстого, но царь ценил умение своего посла добиваться поставленной цели, поэтому решил простить неудачливого казнокрада. Толстой заслужил полное доверие Петра только после того, как выполнил его тайное

поручение – с помощью Ефросиньи, любовницы царевича Алексея, Толстой склонил его к возвращению в Россию, где сын Петра был заточён в темницу:

«Эту девку, родом Чухонку, довольно красивую, нерассудительную и честолюбивую, Толстой уверил самыми сильными клятвами (ему легко было давать их и ещё легче не исполнять), что он выдаст её замуж за своего младшего сына, с приданым в 1000 дворов крестьян, если она уговорит царевича воротиться вместе с ним в отечество. Обманутая таким предложением и клятвами, она старалась и успела уговорить своего несчастного любовника, что он будет прощён отцом, если только возвратится в Россию с Толстым».

Добившись на следствии от непутёвого наследника признания в коварных замыслах против отца, Пётр Андреевич получил в знак государевой благодарности поместья и в придачу – должность главы Тайной канцелярии. Впрочем, по мнению Виллардо, Толстой «разбогател чрез конфискацию имущества казнённых и ссыльных». А через несколько лет действительный тайный советник, сенатор Пётр Андреевич Толстой был возведён в графское достоинство. Однако даже столь опытному царедворцу не удалось предугадать, как будут развиваться события после смерти Петра Великого. Сделав ставку «не на того коня» при выборе наследника Екатерины, Толстой угодил в Соловецкий монастырь, едва не лишившись головы. Мало того, высочайшим указом Толстой и его сыновья были лишены чинов и графского титула, а сын

Иван оказался в одной тюрьме с отцом. Там они и закончили жизнь. Причиной этой трагедии, согласно народному поверью, стала месть царевича Алексея – будто бы, умирая, он проклял род Толстых на двенадцать колен вперед. Сведущие люди утверждают, что именно по этой причине в каждом поколении Толстых наряду с людьми выдающимися рождались слабоумные.

Только после воцарения Елизаветы Петровны графский титул и имения были возвращены потомкам Петра Андреевича. Благодаря стараниям его внуков род Толстых разросся до невероятных размеров. К примеру, прадед Льва Николаевича произвёл на свет двадцать три ребенка, за что получил прозвище Большое Гнездо. Один из сыновей плодовитого помещика, Илья, благодаря женитьбе на княжне Горчаковой значительно разбогател – у него было больше двух тысяч десятин земли и дом с пятью флигелями в Полянах. Граф Илья Андреевич жил на широкую ногу, немало денег проигрывая в карты. В итоге он едва не обанкротился и вынужден был заложить имение. А Николаю Ильичу, отцу Льва Толстого достался графский титул, огромные долги и разорённое имение.

Глава 2. Славы и денег!

На первый взгляд, это вполне естественное желание для любого человека. Слава даёт ощущение того, что жизнь не напрасно прожита. Если же не удалось добиться славы, то есть эквивалентная замена – материальное вознаграждение за труд. Кому-то слава вовсе не нужна – он предпочтёт купаться в деньгах, поскольку ему достаточно признания своих достоинств лишь в узком кругу родственников и друзей. Но вот вопрос: могут ли слава и деньги стать основным стимулом для творчества писателя? Прискорбно, если это так, хотя с другой стороны – какие могут быть претензии, если в результате были созданы произведения, которые вполне заслуженно вызвали восторженные отзывы многочисленных читателей? Однако даже весьма успешный литератор не осмелится сказать, что он писал только ради денег, а если скажет, то звания «классика» ему не видать, как своих ушей.

Лев Николаевич Толстой, уже находясь в зените славы, пытался в меру сил сформулировать те принципы, которым следовал, взявшись за перо. Если поверить в искренность его «Исповеди», написанной в 1882 году, то вот с чего всё началось:

«Я с шестнадцати лет перестал <...> верить в то, что мне было сообщено с детства, но я верил во что-то. Во что я верил, я никак бы не мог сказать <...> Единственная истинная

вера моя в то время была вера в совершенствование. Но в чём было совершенствование и какая была цель его, я бы не мог сказать».

Казалось бы, в 54 года есть все возможности для того, чтобы разобраться, как всё было, понять – что, как и почему. Но, видимо, со временем многое стирается в памяти, становится смутным и неясным. Впрочем, нельзя исключить и такой вариант: искреннее признание может не понравиться читателю, поэтому Толстой и пишет, что «не мог сказать». Самое время обратиться к дневнику писателя, где 17 апреля 1847 года появилась следующая запись:

«Начну ли я рассуждать глядя на природу, я вижу, что всё в ней постоянно развивается, и что каждая составная часть её способствует бессознательно развитию других частей. Человек же, как он есть, такая же часть природы, но одарённая сознанием, должен так же, как и другие части, сознательно употребляя свои душевные способности, стремиться к развитию всего существующего. <...> Итак, я, кажется, без ошибки за цель моей жизни могу принять сознательное стремление к всестороннему развитию всего существующего».

Честно говоря, приятно читать подобные признания. Толстой хочет использовать свои способности для улучшения окружающего мира. Можно ли представить себе цель более достойную его фамилии и титула? Да что говорить, такую цель мог бы поставить перед собой любой человек, будь у

него необходимые для этого возможности – например, талант в какой-то области, обширные знания, развитый интеллект, физическая сила или финансовые средства. Однако придётся начинать с воспитания характера:

«Пишу здесь некоторые правила, которые, как мне кажется, много мне помогут, ежели я буду им следовать: 1) Что́ назначено непременно исполнить, – то исполняй несмотря ни на что. 2) Что́ исполняешь, исполняй хорошо...»

Этим правилам в дневнике Толстого посвящено несколько страниц. Чего там только нет: и «правила развития воли телесной», и «правила для развития воли чувственной», а также правила «для развития воли разумной», «для развития памяти», «для развития умственных способностей», «для развития чувства любви» и т.д. Кроме того, Толстой пытается описывать собственное состояние и впечатления от событий, происходящих в его ближайшем окружении.

Борис Эйхенбаум в книге «Молодой Толстой», изданной в 1922 году, так понял цель этих занятий:

«Оставляя в стороне чисто-психологическую сторону вопроса, <...> можно сказать, что эти годы – не столько работа над мирозерцанием, сколько над методологией самонаблюдения, как подготовительной ступени к художественному творчеству».

На самом деле, всё дело именно в психологии, а подготовка к творческому труду здесь явно ни при чём – в отличие от Фёдора Достоевского в юные годы Толстой не выска-

зывал желания стать литератором. Лёва рано потерял родителей, а родная тётка, взявшая его на воспитание, не годилась на роль советника, наставника. Поэтому во всём пришлось разбираться самому, но прежде всего – попытаться следовать строгим правилам, разработанным самостоятельно. Будь жив его отец, всё могло быть по-другому.

Однако поначалу Толстой не помышлял о самосовершенствовании – отпрыску знатного семейства полагалось получить образование, и в 1844 году он поступил в Императорский Казанский университет. Увы, то ли университетский курс оказался ему не по зубам, то ли не хватало прилежания, но за два года с грехом пополам освоив программу первого курса, он бросил учёбу весной 1847 года. Что же случилось?

Можно предположить, что юный граф не мог смириться с тем, что он не первый по успеваемости среди студентов не столь высокого происхождения, как у него. Более подходящим местом для получения образования был бы для него московский Императорский лицей, основанный в память Цесаревича Николая, старшего сына Александра II. Дети из знатных семей, окончившие это привилегированное учебное заведение, получали те же права, что и выпускники университета: при поступлении на государственную службу им присваивались чины от коллежского регистратора до коллежского секретаря. Но так уж распорядилась тётушка, Пелагея Ильинична Толстая, дочь казанского губернатора, взявшая на попечение пятерых детей, оставшихся сиротами

после смерти её брата, Николая Ильича. И всё же – зачем нужно было уходить из университета? Помимо образования, учёба даёт возможность общения с интересными людьми, а Казанский университет славился в то время своими преподавателями и выпускниками.

Причину отказа от продолжения учёбы узнаём, прочитав дневник Толстого. Первая запись, сделанная 17 марта 1847 года, гласит:

«Вот уже шесть дней, как я поступил в клинику, и вот шесть дней, как я почти доволен собою. *Les petites causes produisent de grands effets* [маленькие причины приводят к серьёзным последствиям]. Я получил Гаонарею [гонорею] <...> от того, от чего она обыкновенно получается; и это пустое обстоятельство дало мне толчок, от которого я стал на ту ступень, на которой я уже давно поставил ногу».

Да это даже не толчок – это удар, от которого не всякий юноша оправится. Сведущие люди утверждают, что с этой болезнью имели несчастье познакомиться и другие литераторы, в частности, Антон Чехов и Владимир Маяковский. Однако с ними это случилось уже в зрелом возрасте, а тут восемнадцатилетний юнец оказывается в столь неприятной ситуации. Понятно, что потомственный аристократ, подхвативший «интересную» болезнь, стал бы причиной для насмешек. Единственный выход для него – покинуть университет.

Уже через месяц после откровенного признания появляется запись в дневнике о намерении получить необхо-

димые знания самостоятельно: изучить весь курс юридических наук, практическую медицину и часть теоретической, французский, русский, немецкий, английский, итальянский и латинский языки, сельское хозяйство, историю, географию, статистику, математику. Более того, Толстой намерен сформулировать правила, регламентирующие его собственное поведение, написать диссертацию, а также достигнуть высшей степени совершенства в музыке и живописи. Надо признать, что в столь юном возрасте составление подобных планов – весьма распространённое занятие. Другое дело, что, как правило, они так и остаются только на бумаге.

Оставив университет, Толстой возвратился в Ясную поляну, где намерен был заняться самообразованием. Однако его усердия надолго не хватило – соблазны одолевали юношу, он забросил свой дневник и уже 13 февраля 1849 года пишет брату Сергею из Петербурга:

«Я знаю, что ты никак не поверишь, чтобы я переменился, скажешь: "это уж в двадцатый раз, и всё из тебя пути нет", "самый пустяшный малый", – нет, я теперь совсем иначе переменился, чем прежде менялся; прежде я скажу себе: "дай-ка я переменюсь", а теперь я вижу, что я переменился, и говорю: "я переменился". Главное то, что я вполне убежден теперь, что умозрением и философией жить нельзя, а надо – жить положительно, т. е. быть практическим человеком. Это большой шаг и большая перемена, ещё этого со мной ни разу не было».

Казалось бы, тот самый «толчок» заставил Толстого сделать правильные выводы. Но есть подозрение, что в этих строках Толстой пытается убедить не столько брата, сколько самого себя, что встал на путь исправления, и к прошлому не может быть возврата. Сомнение вызывает его просьба: «мне деньги как можно больше нужно, во-первых, чтобы жить здесь, во-вторых, чтобы расплатиться с долгами в Москве». В том же письме Толстой пишет о планах сдать экзамен и поступить на службу, но в это слабо верится. А вот что он написал в дневнике через два года, 8 декабря 1850 года:

«Пустившись в жизнь разгульную, я заметил, что люди, стоявшие ниже меня всем, в этой сфере были гораздо выше меня; мне стало больно, и я убедился, что это не моё назначение. Может быть, содействовали этому тоже два толчка. Первое – проигрыш Огарёву, который приводил мои дела в совершенное расстройство, так что даже, казалось, не было надежды поправить их; и после этого пожар, который заставил невольно меня действовать. <...> Одно мне кажется, что я стал уже слишком холоден. Только изредка, в особенности когда я ложусь спать, находят на меня минуты, где чувство просится наружу; то же в минуты пьянства; но я дал себе слово не напиваться».

Тут уже целых два толчка – карточный проигрыш и пожар в Ясной поляне, случившийся ещё в октябре. Пора бы уже взяться за ум, сделав правильные выводы, однако Толстой

остаётся в плену прежних увлечений. В итоге он оказался на грани разорения, поэтому через месяц в дневнике появляется следующая запись, сделанная в Москве – видимо, жизнь в Петербурге ему уже не по карману:

«Чтобы поправить свои дела, из трёх представившихся мне средств я почти все упустил, именно: 1) Попасть в круг игроков и, при деньгах, играть. 2) Попасть в высокий свет и, при известных условиях, жениться. 3) Найти место выгодное для службы. Теперь представляется ещё четвёртое средство, именно – занять денег у Киреевского».

Скорее всего, здесь речь идёт о Николае Васильевиче Киреевском, дальнем родственнике Толстых. Отставной кавалергард, владелец значительного состояния жил в своём имении Шаблыкино, в окружении многочисленных гостей предаваясь праздности и любимому занятию – охоте. В 1859 и в 1865 году Толстой, тоже страстный любитель охоты, бывал в Шаблыкино, что располагается близ города Карачева Орловской губернии, а сам Киреевский в 1850 году наверняка наезжал в Москву – не всё же прозябать в глуши. Здесь они и познакомились – за карточным столом или во время дружеской пирушки.

Вероятно, денег удалось добыть, а в остальном всё весьма прискорбно – по-прежнему Толстой не в силах следовать составленным им правилам, и только кается, и кается:

«У Горчакова солгал, ложь. В Новотроицком трактире (мало *fierté*) [«мало гордости» – видимо, опять напился], до-

ма не занимался английским языком (недостаток твёрдости). У Волконск[ого]. был неестествен и рассеян, и засиделся до часу (рассеянность, желание выказать и слабость характера). <.>.. Встал поздно от лени. <...> До Колымажного двора не дошёл пешком, нежничество, ездил с желанием выказаться, для того же заезжал к Озерову. Не воротился на Колымаж-ный, необдуманность».

Хочется написать: вот если бы не было этого самокопани-я, этих попыток держать себя в узде, возможно, Толстой погиб бы где-то на дуэли или спился, или потерялся в недрах какой-то канцелярии – и тогда не появился бы в России замечательный писатель. Однако вовсе не покаянные записи в дневнике заставили Толстого выйти из порочного круга. Брат Николай настоял на том, чтобы Лёва отправился вместе с ним на Кавказ и поступил на службу в армию. Именно там, за неимением привычных развлечений, будущий клас-сик всё свободное время стал отдавать литературному труду – сначала дописал «Детство», начатое ещё в Ясной Поляне, затем продолжил свои литературные опыты, основанные на впечатлениях детства и юности.

Любопытно, что рукопись «Детства», отправленную в журнал «Современник» в 1852 году, Толстой подписал инициа-лами «Л.Н.Т». То ли не хотел «осквернить» репута-цию представителя знатного семейства отказом или даже насмешкой неучтливового редактора, то ли рассчитывал по-лучить объективную оценку своего труда и литературных

способностей. К счастью, Николаю Алексеевичу Некрасову понравилась рукопись неизвестного автора и вскоре «Детство» опубликовали. Одобрительные высказывания профессиональных литераторов стали подтверждением того, что Толстой на правильном пути, и он продолжал писать. После начала Крымской войны Толстой участвовал в сражениях на территории Валахии, а затем оказался в Севастополе. В результате на свет появились «Севастопольские рассказы», которые имели успех у публики, прежде всего, потому что тема была очень актуальная.

И всё же непонятно, с чего бы это юный Лёва стал писать? Речь, прежде всего, о дневниках, с которых началось его увлечение литературным творчеством. Наверняка в университетской клинике с книгами не было проблем – читай и набирайся сил. Так что версию, будто это увлечение возникло от безделья, убедительной нельзя признать. Но кто же ему посоветовал взяться за перо? Можно предположить, что юноша так тяжело переживал случившееся с ним несчастье, что врачи призвали на подмогу специалиста по психическим заболеваниям. И вот что он мог посоветовать пациенту:

«Возьмите в руки перо и изложите на бумаге все ваши переживания, всю боль. Попробуйте разобраться с тем, что с вами происходит. Лучше вас никто этого не сделает, даже дипломированный психиатр. Поверьте, стоит вам начать писать, как в самом скором времени почувствуете, что боль куда-то отступает. Чем больше будете писать, тем легче станет

на душе. Однако не слишком увлекайтесь самобичеванием. Гораздо полезнее для вашего здоровья описать всё так, будто это случилось не с вами, а с кем-нибудь другим – так поступают многие писатели. Нет иного способа избавиться от душевных мук, от угрызений совести, как мысленно переложить это на кого-нибудь другого. В данном случае, на плечи выдуманного вами человека. Вот он теперь и будет мучиться».

Конечно, юный Лёва поначалу не помышлял о том, чтобы стать писателем. Взявшись за дневник, он описывал лишь собственные ощущения и строил планы, как преуспеть в борьбе с самим собой. Но убедившись, что следовать этим планам ему не удаётся, а бесконечные покаяния, признание душевной слабости не приводят к нужному результату, вспомнил о рекомендациях врача. Тогда-то в его дневнике появились первые отрывочные воспоминания, описания впечатлений от встреч с разными людьми. А затем Толстой и в самом деле стал получать удовольствие от творчества – всё точно так, как предсказал ему когда-то врач.

Возможно, если бы Толстой в юношеские годы был паймальчиком, он в итоге стал бы заурядным чиновником, или так и остался небогатым помещиком, или сделал бы военную карьеру – примеры таких биографий можно найти и графских, и в княжеских семьях. Но чувство вины за то, что успел когда-то натворить, преследовало Толстого даже в зрелые годы и требовало покаяния. Вот что он написал в своей «Ис-

поведи»:

«Без ужаса, омерзения и боли сердечной не могу вспомнить об этих годах. Я убивал людей на войне, вызывал на дуэль, чтоб убить; проигрывал в карты, проедал труды мужиков; казнил их, блудил, обманывал. Ложь, воровство, любодеяние всех родов, пьянство, насилие, убийство... Не было преступления, которого бы я не совершал».

Сознание порочности своей природы побудило его к поиску причин – Толстой «препарировал» свой характер, пытаюсь разложить его на составляющие и понять, чем вызваны те или иные поступки. Кто знает, может быть, так и не смог в этом разобраться, но опыт самоанализа помог ему, когда потребовалось описать художественными средствами характер героев своих произведений. Один из его современников, Сергей Андреевский, писал:

«Выступая в печати со своим психологическим анализом, Толстой рисковал быть непонятым, потому что, наполняя свои страницы длинными монологами действующих лиц – этими причудливыми, молчаливыми беседами людей "про себя", наедине с собою – Толстой создавал совершенно новый, смелый приём в литературе».

Толстой и в самом деле «рисковал быть непонятым», поскольку ему не всегда удавалось в нескольких фразах передать душевное состояние человека, найдя выразительный художественный образ, подходящую метафору. Отсюда его многословие, когда описание малозначительных со-

бытий или обоснование поступков персонажей романа занимали несколько страниц. Толстой и сам был не в восторге от своих творений – об этом он сообщил Афанасию Фету в январе 1871 года:

«Невероятно и ни на что не похоже, но я прочёл Ксенофонта и теперь *à livre ouvert* читаю его. Для Гомера же нужен только лексикон и немного напряжения. Жду с нетерпением случая показать кому-нибудь этот фокус. Но как я счастлив, что на меня бог наслал эту дурь. Во-первых, я наслаждаюсь, во-вторых, убедился, что из всего истинно прекрасного и простого прекрасного, что произвело слово человеческое, я до сих пор ничего не знал, как и все (исключая профессоров, которые, хоть и знают, не понимают), в-третьих, тому, что я не пишу и писать дребедени многословной, вроде «Войны», я больше никогда не стану. И виноват и, ей-богу, никогда не буду».

Но выгода от толстых романов несомненна, поскольку издатели платят автору «построчно». К тому же не всякий читатель способен с первого раза понять мысль писателя – ему надобно всё растолковать, желательно, повторить не один раз, только тогда можно рассчитывать на интерес широкой публики к его произведениям. Читатель как бы вслед за автором влезает в шкуру персонажа и словно бы сам всё переживает – такое растянутое во времени переживание читателю гораздо привычнее и понятнее, чем ощущения, возникающие, например, при чтении текстов непревзойдённого ма-

стера метафоры Юрия Олеши. Поэтому этот «смелый приём» надо признать во всех смыслах весьма удачной и прибыльной находкой.

В современной русской литературе у Толстого немало в той или иной степени успешных подражателей, сочиняющих толстые романы, однако многописательство Дмитрия Быкова оставляем за скобками, так же как и его бездарную попытку соединить в себе писателя а ля Лев Николаевич и поэта а ля Алексей Константинович. Да и Алексея Николаевича из него не вышло – как по причине отсутствия таланта, так и из-за того, что журналист возомнил себя политиком.

Итак, с истоками вроде бы разобрались, но что же стало стимулом для невиданного трудолюбия? Писать по двадцать страниц в день добротным литературным языком, что не исключало правок, – это никак не объяснить советом психиатра. Напротив, переутомление чревато неприятными последствиями, вредными для психики любого человека. Что же заставило так рисковать? Объяснение находим снова в дневниках – в записи, сделанной 20 марта 1852 года, ещё до того, как Толстой был признан талантливым писателем:

«Сколько я мог изучить себя, мне кажется, что во мне преобладают три дурные страсти: игра, сладострастие и тщеславие. <...> Эта страсть [тщеславие] чрезвычайно развита в наш век, над ней смеются; но её не осуждают; потому что она не вредна для других. Но зато для человека, одержимого ей, она хуже всех других страстей, она отравляет всё суще-

ствование. Исключительная черта этой страсти, общая проказе, есть чрезвычайная прилипчивость. Мне кажется, однако, что, рассуждая об этом, я открыл источник этой страсти – это любовь к славе. Я много пострадал от этой страсти – она испортила мне лучшие года моей жизни и навек унесла от меня всю свежесть, смелость, веселость и предприимчивость молодости».

Толстой здесь не совсем прав – видимо, способность анализировать характеры и делать правильные выводы пришла к нему гораздо позже. Стремление к славе донине остаётся важнейшим стимулом для самозабвенного труда писателя, особенно если учесть нищенские гонорары, которые российские издатели выплачивают авторам, за исключением нескольких, особо плодовитых и востребованных. Другое дело, что не всякий человек способен без последствий выдержать «трубный глас» фанфар – иногда это приводит к необратимому изменению личности.

Борис Эйхенбаум в книге «Творческие стимулы Л. Толстого» попытался оправдать своего кумира, как бы дезавуировав его признание:

«На деле это было, конечно, не простое тщеславие, которым страдают мелкие натуры, а нечто гораздо более сложное и серьёзное. Это было ощущение особой силы, особой исторической миссии».

Безусловно, желание защитить Толстого от злобных наветов заслуживает уважения, однако «миссия» тут явно ни при

чём. О своём высоком предназначении Толстой стал задумываться уже гораздо позже, когда, с одной стороны, достиг зенита славы и обеспечил материальное благополучие семье, а с другой – стал сомневаться в том, что его литературные труды могут способствовать совершенствованию общества и человеческой природы. На самом деле, в признании Толстого очевиден признак слабости, которую он позже приписал Андрею Болконскому в «Войне и мире»:

«Как ни дороги, ни милы мне многие люди – отец, сестра, жена, – самые дорогие мне люди, – но, как ни страшно и неестественно это кажется, я всех их отдам сейчас за минуту славы, торжества над людьми, за любовь к себе людей, которых я не знаю и не буду знать».

Слаб человек, он жаждет славы, даже если для этого нет ни малейших оснований. Довольно часто люди просто считают себя выше остальных, не собираясь представлять какие-либо аргументы. Однако Толстой писал не только для того, чтобы доказать своё право на всеобщее признание, но и потому что уже нельзя было остановиться. Иначе возникло бы ощущение никчёмности. Своё пока что ничем и никем не подтверждённое превосходство, Толстой пытался отстаивать и в спорах. Вот что поведал Фет:

«С первой минуты я заметил в молодом Толстом невольную оппозицию всему общепринятому в области суждений. В это короткое время я только однажды видел его у Некрасова вечером в нашем холостом литературном кругу и был

свидетелем того отчаяния, до которого доходил кипятящийся и задыхающийся от спора Тургенев на видимо сдержанные, но тем более язвительные возражения Толстого».

Да, характер у Толстого был ещё тот! Впрочем, такое поведение вполне естественно для человека, намеренного доказать своё превосходство любым путём, даже доводя собеседника до белого каления. Однако несдержанность Толстого в спорах можно расценить и как признак слабости, неуверенности в своих силах. Его язвительность – это лишь способ защитить себя от унижения, вызванного тем, что оппонент высказывает более аргументированные соображения, которые Толстой не в силах опровергнуть и потому вынужден прибегать к запрещённым приёмам, надеясь вывести оппонента из себя, заставить ошибиться или отказаться от продолжения спора.

О том же сообщал Дмитрий Григорович:

«Какое бы мнение ни высказывалось и чем авторитетнее казался ему собеседник, тем настойчивее подзадоривало его высказать противоположное и начать резаться на словах. Глядя, как он прислушивался, как всматривался в собеседника из глубины серых, глубоко запрятанных глаз и как иронически сжимались его губы, он как бы заранее обдумывал не прямой ответ, но такое мнение, которое должно было озадачить, сразить своею неожиданностью собеседника. Таким представлялся мне Толстой в молодости. В спорах он доходил иногда до крайностей».

Эти слова лишь подтверждают ранее сделанные выводы. Согласиться с чужим мнением – для Толстого это означает поражение. Истина его волнует меньше всего, поскольку в его понимании признанный писатель обязан всем навязывать своё мнение. Он должен управлять толпой своих читателей, иначе рано или поздно его свергнут с пьедестала. Он должен быть выше всех, иначе усомнится в необходимости продолжать дело, которому намерен посвятить всю жизнь. Поэтому и сам доходил иногда до крайностей, и вынуждал к этому других. Вот что Толстой написал в дневнике 25 июня 1861 года:

«Замечательная ссора с Тургеневым; окончательная – он подлец совершенный, но я думаю, что со временем не выдержу и прощу его».

Иными словами, Толстой по-прежнему уверен в собственной правоте, непогрешимости и не намерен извиняться, если в чём-то был неправ, если в азарте спора был излишне язвителен по отношению к своему противнику. Он способен лишь на то, чтобы с высоты своего положения простить заблудшего коллегу.

Судя по всему, будучи уже в ореоле славы, Толстой окончательно утратил интерес к поискам истины в спорах и по серьёзному поводу предпочитал не дискутировать с коллегами-литераторами и другими людьми своего круга. Именно так должен рассуждать известный писатель, учёный или политик – что толку аргументированно отстаивать собствен-

ное мнение, если можно настоять на своём, не утруждая себя анализом слов оппонента. К тому же, это поможет сохранить здоровье.

Однако прав был Эйхенбаум – не стоит придавать большое значение тщеславию Толстого, несмотря на его откровенное признание. Действительно, помимо стремления к славе, у Толстого был ещё один стимул для того, чтобы писать и писать не покладая рук – это желание поправить состояние своих финансов и обеспечить благополучие семьи. Вот что он записал в свой дневник 5 августа 1863 года, через два года после женитьбы и через месяц после рождения первого ребёнка:

«Я пишу теперь не для себя одного, как прежде, не для нас двух, как недавно, а для него».

А в «Исповеди» 1882 года читаем ещё более откровенное признание:

«В это время я стал писать из тщеславия, корыстолюбия и гордости. В писаниях своих я делал то же самое, что и в жизни. Для того чтобы иметь славу и деньги, для которых я писал, надо было скрывать хорошее и выказывать дурное. Я так и делал».

Не правда ли, загадочная фраза. С одной стороны, Толстой признаётся в собственном тщеславии и корыстолюбии, а с другой – по сути, утверждает, что приписывал персонажам своих произведений не самые лучшие свои черты. Примером могут служить приведённые выше слова Болконского

о жажде славы любой ценой. Но в том-то и дело, что, «показывая дурное», Толстой предлагал читателю то, что есть в реальной жизни. Абсолютно хорошие и абсолютно дурные люди бывают только в сказках для детей. Так что некоторые малопривлекательные черты характера, несомненно, пошли ему на пользу при создании и «Анны Карениной», и «Войны и мира» – в своих героев он вкладывал частицу самого себя, во многих случаях используя alter ego, с которым продолжал бороться всю жизнь, хотя и без особого успеха.

Но вот что странно – в «Исповеди» Толстой писал, что «скрывал хорошее», а в «Записках христианина», написанных в том же 1882 году, утверждал, что не понимает разницы между добром и злом:

«Я таким нигилистом прожил 35 лет, <...> я написал в поучение русских людей 11-ть томов сочинений, за которые, кроме всякого рода восхвалений, получил тысяч полтораста денег, <...> я убедился, что не только ничему не могу учить людей, но решительно сам не имею ни малейшего понятия о том, что я такое, что хорошо, что дурно».

Бывал ли Толстой честен сам с собой, или, желая увериться в собственном величии, манипулировал понятиями? Чем же он мог тогда научить людей, которые читали его книги? Возможно, ценность его произведений, помимо сугубо литературных достоинств, в том, что они заставляли читателя задуматься о смысле бытия, хотя сам Толстой оставался в неведении до конца своей жизни.

После «Детства» интерес к произведениям Толстого начал падать, а к началу 1860-х годов он оказался, по выражению Бориса Эйхенбаума, «почти забытым писателем». На самом деле, Толстому просто не о чем было писать – ему не хватало жизненного опыта. Детские впечатления, служба на Кавказе и участие в Крымской войне позволили создать несколько интересных произведений, однако эти темы вскоре потеряли актуальность. Такая же неприятность сто лет спустя случилась с Юрием Трифоновым – за повесть «Студенты» он получил Сталинскую премию, а затем двадцать лет прошли для него в мучительных поисках своего пути.

Толстой искал подходящую тему несколько лет. На время забросив литературные занятия, в 1859 году он увлёкся устройством школ в своём уезде, а в 1862 году стал издавать журнал «Ясная поляна», так никем и не замеченный. От депрессии Толстого спасла женитьба в сентябре 1862 года. В течение первых двенадцати лет после женитьбы он написал романы «Война и мир» и «Анна Каренина».

Глава 3. Деревенский философ

Итак, анализ записей в дневнике Толстого приводит к выводу о том, что, по крайней мере, до середины 70-х годов его интересовали только слава и деньги. Однако это нельзя рассматривать как окончательный приговор, поскольку время от времени в его голову приходили и такие мысли:

«Зачем деньги, дурацкая литературная известность? Лучше с убеждением и увлечением писать хорошую и полезную вещь. За такой работой никогда не устанешь. А когда кончу, только была бы жизнь и добродетель, – дело найдётся. <...> В романе своём я изложу зло правления Русского, и ежели найду его удовлетворительным, то посвящу остальную жизнь на составление плана аристократического избирательного соединения с Монархическим правлением, на основании существующих выборов. Вот цель для добродетельной жизни».

Эта запись была сделана в дневнике 7 декабря 1852 года, когда Толстой находился на Кавказе и был лишён возможности вести привычную светскую жизнь. В какой-то степени и здесь «бытие определило сознание», и после возвращения в Москву на первый план выплыло желание написать что-то полезное – только тогда слава и деньги принесут реальное удовлетворение, которое не сравнить с теми ощущениями, которые возникают после написания некоего чтива

на потребу публике. Понятно, что начинающему писателю столь грандиозный замысел не удался, но гораздо позже, через полвека, один из задуманных им персонажей «возродится» в романе «Воскресение» в образе Нехлюдова.

Более интересна мысль Толстого о реформировании монархии с учётом мнения аристократии. В этом один граф недалеко ушёл от другого графа – в 1873 году Алексей Константинович Толстой писал жене:

«Какая бы ты ни была демократка, ты не можешь отрицать, что в аристократии есть что-то связывающее, только ей присущее».

Вот и Лев Николаевич поначалу «делал ставку» не на простой народ, а на потомственную элиту. Вместе с тем, задумывая планы переустройства государства, Толстой временами признавался, но только самому себе, что эта задача ему явно не по силам. Вот что он написал в дневнике 7 июля 1854 года:

«Я почти невежда. Что я знаю, тому я выучился кое-как сам, урывками, без связи, без толку и то так мало. <...> Я умён, но ум мой ещё никогда ни на чем не был основательно испытан».

Отсутствие университетского образования Толстой пытался компенсировать, впитывая в себя знания из книг, даже изучил греческий язык, чтобы читать в оригинале Ксенофонта и Платона. Но дело в том, что писатель вполне может быть самоучкой, а вот философ – никогда. Здесь придётся напомнить об отношении Толстого к дискуссиям – для

него это был не способ поиска истины, а средство утверждения собственного превосходства. Компенсировать недостаток продуктивного общения с интеллектуалами не могло даже невиданное трудолюбие Толстого – он много читал, а тексты, художественные или философские, возникали из-под его пера один за другим, почти без перерыва. Об этом писал и Борис Эйхенбаум в книге «Творческие стимулы Л. Толстого»:

«Толстой был одержим каким-то пафосом труда. Отдыхать он совсем не умел. Закончив одно, он сейчас же принимался за другое. Если наступал промежуток, он мучился и доходил почти до нервного заболевания».

Неуемное желание писать вполне сочетается с тем, что мог посоветовать Толстому психиатр весной 1847 года, когда юный Лёва лечился в университетской клинике. С тех пор спасением для него стал постоянный, до изнеможения, труд, иначе одолевали тяжкие мысли – и сожаление о прошлом, и думы о бессмысленности всего сущего, и ещё многое, о чём никто не узнает никогда. Можно предположить, что его преследовал и страх наказания, божьей кары за прежние грехи. Тут самое время припомнить народное поверье, согласно которому царевич Алексей, несчастный сын Петра Великого, проклял своего мучителя Петра Андреевича Толстого и весь его род на двенадцать колен вперёд.

Единственное разумное решение в этой ситуации – следуя совету психиатра, избавиться от тягостных мыслей, изложив

их на бумаге. В противном случае сознание могло выйти из повиновения. Но что поделаешь, если иногда накапливается усталость – мозг истощён, не возникают новые идеи. Любому писателю это состояние знакомо. Софья Андреевна Толстая писала в дневнике 9 декабря 1870 года:

«Всё это время бездействия, по-моему умственного отдыха, его очень мучило. <...> Иногда ему казалось, что приходит вдохновение, и он радовался. Иногда ему кажется – это находит на него всегда вне дома и вне семьи, – что он сойдёт с ума, и страх сумасшествия до того делается силён, что после, когда он мне это рассказывал, на меня находил ужас».

Если к отсутствию полноценного общения с интеллектуалами прибавить то, что временами Толстой прекращал все связи с внешним миром, за исключением семьи, тогда неудивительно, что в своих философских исканиях он приходил к неверным выводам. Причина этой замкнутости состояла в том, что Толстой боялся утратить веру в собственные силы, а если её нет, тогда бессмысленно рассчитывать на вдохновение. Вот что Софья Андреевна написала в дневнике 24 февраля 1870 года:

«Мы не получаем ни газет, ни журналов. Л. говорит, что не хочет читать никаких критик. "Пушкина смущали критики, – лучше их не читать". Нам даром посылают "Зарю", в которой Страхов так превозносит талант Л. Это его радует».

И в самом деле, Николай Страхов, славянофил и поклонник творчества Толстого, не жалел восторженных эпитетов

в критических статьях:

«Богатырь, который не поддался никаким нашим язвам и поветриям, который разметал, как щепки, всякие тараны, отшибающие у русского человека ясный взгляд и ясный ум, все те авторитеты, под которыми мы гнёмся и ёжимся. Из тяжкой борьбы с хаосом нашей жизни и нашего умственного мира он вышел только могучее и здоровее, только развил и укрепил в ней свои силы и разом поднял нашу литературу на высоту, о которой она и не мечтала».

Понятно, что любой писатель нуждается в признании, однако неумеренная лесть может нанести непоправимый вред. Достоинства художественных произведений Толстого не подлежат сомнению, однако, уверовав в собственное величие, он вообразил себя философом, причём чуть ли не единственным человеком на земле, который имеет право всех поучать и наставлять на путь истинный. Надо отметить и влияние Некрасова, который в письме 1856 года выразился вполне определённо и недвусмысленно:

«Я люблю <...> в вас великую надежду русской литературы, для которой вы уже многое сделали и для которой ещё более сделаете, когда поймёте, что в вашем отечестве роль писателя – есть прежде всего роль учителя и по возможности заступника за безгласных и принижённых».

Такие слова придавали новые силы, и Толстой продолжал писать, рассчитывая не только на пополнение семейного бюджета, но и на то, что тяжкий труд просветителя когда-ни-

будь даст нужный результат. В 1874 году, во время работы над «Анной Карениной», он признался в письме своей двоюродной тётушке Александре Андреевне Толстой, фрейлине императрицы:

«Вы говорите, что мы как белка в колесе. Разумеется. Но этого не надо говорить и думать. Я, по крайней мере, что бы я ни делал, всегда убеждаюсь, что *du haut de ces pyramides 40 siecles mecontemplent* (с высоты этих пирамид сорок веков смотрят на меня) и что весь мир погибнет, если я остановлюсь».

В самом деле, если Толстой остановится, он потеряет опору – покаянные мысли могут разрушить его сознание, довести до безумия, чего так опасалась Софья Андреевна. Поэтому Толстой так отчаянно хватается за соломинку – для него это творчество, самоотверженное, самозабвенное, позволяющее переложить свои душевные муки на других людей, на героев своих произведений. У Бориса Эйхенбаума иное мнение на этот счёт:

«Толстой, оказывается, чувствует себя центром мира, <... > Толстой может работать только тогда, когда ему кажется, что весь мир смотрит на него и ждёт от него спасения, что без него и его работы мир не может существовать, что он держит в своих руках судьбы всего мира. Это больше, чем "вдохновение", – это то ощущение, которое свойственно героическим натурам».

Нет спору, писатель должен верить в собственную исклю-

чительность, в некую «избранность». Однако героизм здесь совершенно ни при чём. Это всего лишь самообман, самоунижение, позволяющее вызвать вдохновение и преодолеть усталость. Причём для Толстого творчество – это ещё и способ спастись от мучительных раздумий о смысле своего существования. Он именно белка в колесе – Толстой боится, что для него мир рухнет, если он позволит себе остановиться.

К сожалению, современники не смогли разобраться в психологии Толстого, так же как и более поздние исследователи его биографии и творчества. Даже Антон Чехов лишь описывает вполне очевидное, не объясняя причин. Иван Бунин в «Заметках (о литературе и современниках)» приводит его высказывание о Толстом:

«Чем я особенно в нём восхищаюсь, так это его презрением ко всем нам, прочим писателям, или, лучше сказать, не презрением, – это слово сюда не подходит, – а тем, что он всех нас, прочих писателей, считает совершенно за ничто. Вот он иногда хвалит Мопассана, Куприна, Семёнова, меня... Отчего хвалит? Оттого, что он смотрит на нас, как на детей, которые, подражая взрослым, тоже делают то то, то другое вроде взрослых: воюют, путешествуют, строят дома, могут и писать, издавать журналы... Наши повести, рассказы, романы для него именно такие детские игры, и поэтому он, в сущности, одними глазами глядит и на Мопассана и на Семенова. Вот Шекспир – другое дело. Это уже взрослый,

и он уже раздражает его, пишет всё не так как надо, не толстовски».

Видимо, Чехов полагает, что Толстого испортил невиданный успех его романов и славословие почитателей. Отчасти это так, однако, не прочитав дневники Толстого, невозможно понять истинные причины его покровительственного, иногда даже презрительного отношения к коллегам. Да и сам Толстой уверен в том, что наделён талантом от природы, а вот особенности психики здесь совершенно ни при чём. В 1899 году он пишет горячему поклоннику своего творчества и особенно философских откровений, князю Дмитрию Хилкову:

«Думаю, что как природа наделила людей половыми инстинктами для того, чтобы род не прекратился, так она наделила таким же кажущимся бессмысленным и неудержимым инстинктом художественности некоторых людей, чтобы они делали произведения, приятные и полезные другим людям. Видите, как это нескромно с моей стороны, но это единственное объяснение того странного явления, что неглупый старик в 70 лет может заниматься такими пустяками, как писание романа».

Здесь явное непонимание истоков творчества, причин возникновения творческого потенциала. Прискорбно, что даже в пожилом возрасте, даже зная о существовании человеческих инстинктов, писатель пишет подобные нелепицы. Впрочем, чего ждать от деревенского философа? Недаром

Ленин нашёл в его социальных учениях и взглядах «такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски-образованному писателю».

Но в чём же причина появления в голове Толстого нелепых идей, которые стали основой «философского учения»? В письме Николаю Страхову 8 апреля 1878 года, возможно, не совсем понимая сути того, что пишет, Толстой невольно признаётся:

«Всё как будто готово для того, чтобы писать – исполнять свою земную обязанность, а недостает толчка веры в себя, в важность дела, недостает энергии заблуждения, земной стихийной энергии, которую выдумать нельзя. И нельзя начинать».

«Энергия заблуждения» – это и есть тот самообман, о котором говорилось выше. Для художественного творчества это необходимое условие, поскольку раскрепощает, в первую очередь, фантазию, придавая дополнительные силы. Но вот когда дело дойдёт до философии, тут нужно честно отдавать себе отчёт, что не всё написанное тобой истинно, что каждую мысль нужно поверять сомнением, а ещё лучше – «обкатывать», «отшлифовывать» в дискуссии с интеллектуалами. В дневниках Толстой не раз пишет о своих сомнениях, но вот характерное признание – запись, сделанная 28 апреля 1908: «Нынче, лёжа в постели, утром пережил давно не пережи-

вавшееся чувство сомнения во всём».

С начала 1980-х годов сомнения Толстого были сосредоточены на вопросах веры, на поисках разумного переустройства государственного управления. В то же время он начал сомневаться в том, что литературное творчество может повлиять на людей, изменить их к лучшему. Читаем в «Исповеди»:

«Взгляд на жизнь этих людей, моих сотоварищей по писанию состоял в том, что жизнь вообще идёт развиваясь и что в этом развитии главное участие принимаем мы, люди мысли, а из людей мысли главное влияние имеем мы – художники, поэты. Наше призвание – учить людей... Вера эта в значение поэзии и в развитие жизни была вера, и я был одним из жрецов её... Первым поводом к сомнению было то, что я стал замечать, что жрецы этой веры не все были согласны между собою. <...> И они спорили ссорились, бранились, обманывали, плутовали друг против друга. Кроме того было много между нами людей <...> достигающих своих корыстных целей с помощью этой нашей деятельности. Всё это заставило меня усомниться в истинности нашей веры».

Прежде всего, возникает впечатление, что для Толстого спор – это что-то вроде зубной боли. Приходится терпеть, но хочется поскорее от неё избавиться. Он полагал, что умные люди должны договориться между собой, прийти к единому, согласованному мнению. Иначе это не интеллектуалы. Но как можно выработать единые взгляды по основным про-

блемам, волнующим людей, если избегать дискуссий? Если не удаётся оппонента переубедить, загнать его в угол доказательствами своей правоты, значит, не готов к такому спору. Прав Лев Николаевич в одном: множество людей, не исключая и писателей, озабочены собственными проблемами – карьерой, заработком, жадой славы. На остальное им наплевать, хотя на словах могут выглядеть поборниками справедливости и защитниками угнетённых. С другой стороны, нельзя же от каждого литератора требовать, чтобы он был светочем мысли. Многие просто развлекают, вполне прилично владея литературным языком и не считая, что непременно обязаны нести разумное и светлое... Ну что поделаешь, если эта задача им не по плечу?

Вообще же, учение – это слово вряд ли применимо к труду даже таких писателей, как Толстой или Достоевский. Правильнее было бы сказать, что сверхзадача писателя состоит в воспитании нравственности, хотя это понятие также может вызвать возражение, поскольку многие люди понимают воспитание как навязывание ученику каких-то чуждых ему мыслей, а кое-кому даже чудятся забор с колючей проволокой и сторожевые вышки с пулемётами. Пожалуй, самая точная формулировка такова: писатель должен по мере собственных сил и возможностей, которые ему предоставляет избранный им литературный жанр, способствовать повышению уровня нравственности своих читателей. Скорее всего, Толстой это прекрасно понимал, но когда в значитель-

ной степени исчерпал творческий потенциал в художественной литературе, стал придумывать самые нелепые оправдания. Позже он поверил в свои выдумки, и попытался создать нечто, со временем получившее звучное название «философского учения».

Как ни прискорбно это признавать, но если у читателя хватит терпения дочитать «Исповедь» Толстого до конца, неизбежно возникнет подозрение, что с головой у Льва Николаевича не всё было в порядке. Недаром сын Илья в «Моих воспоминаниях» пишет:

«Переживания последних лет жизни Гоголя во многом очень сходны с переживаниями отца. Та же разочарованность, тот же беспощадный и правдивый анализ самого себя и то же безысходное отчаяние».

Конечно, напряжённый творческий труд может повлиять на психику, но вряд ли в этом случае можно говорить о продуктивном самоанализе. Скорее, совсем наоборот – каждый из писателей ищет спасения для самого себя, но если Гоголь попытался найти выход в христианской религии и мистике, то Лев Николаевич решил создать некое подобие новой религии, которую он облёк в форму философского учения. В последние годы жизни Гоголь неуклонно шёл к своему безумию, но был ли психически здоров Толстой? Многократные повторы одних и тех же мыслей, противоречивость и бездоказательность некоторых суждений в той же «Исповеди» не объяснить преклонным возрастом – Толстому было чуть

больше пятидесяти лет, когда он это написал:

«Я нашёл, что для людей моего круга есть четыре выхода из того ужасного положения, в котором мы все находимся. Первый выход есть выход неведения. Он состоит в том, чтобы не знать, не понимать того, что жизнь есть зло и бессмыслица. Люди этого разряда – большею частью женщины, или очень молодые, или очень тупые люди. <...> Второй выход – это выход эпикурейства. Он состоит в том, чтобы, зная безнадёжность жизни, пользоваться покамест теми благами, какие есть, <...> Этого второго вывода придерживается большинство людей нашего круга. <...> Третий выход есть выход силы и энергии. Он состоит в том, чтобы, поняв, что жизнь есть зло и бессмыслица, уничтожить её. Так поступают редкие сильные и последовательные люди. <...> Четвёртый выход есть выход слабости. Он состоит в том, чтобы, понимая зло и бессмысленность жизни, продолжать тянуть её, зная вперёд, что ничего из неё выйти не может».

Удивительно, но Толстому не пришло в голову, что «выход силы и энергии» состоит в том, чтобы попытаться улучшить человеческое общество. Толстой слишком озабочен собственной персоной, поэтому не в состоянии взглянуть на то, что происходит с человечеством, как бы со стороны. Если ему удалось в какой-то мере «усовершенствовать» себя, почему другие на это не способны? Надо только им помочь – возможно, им удастся найти верное решение. Можно выбрать путь политика-реформатора или путь революционера,

однако Толстой оценивает и тех и других на основе собственного опыта. Вот что он написал в «Письме революционеру», отвечая в январе 1909 года на возражения Михаила Вруцева против одного из основных постулатов учения Толстого – непотворение злу насильем:

«Каждая партия, зная наверно, что нужно для блага людей, говорит: только дайте мне власть, и я устрою всеобщее благополучие. Но несмотря на то, что многие из этих партий находились или даже и теперь находятся во власти, всеобщее обещанное благополучие всё не устраивается».

Справедливость этих слов неоднократно подтверждалась и в современной истории. Партии увлечены борьбой за власть, а получив её, оказываются не в состоянии выполнить предвыборные обещания, то есть избавить общество от таких пороков, как коррупция, кумовство во власти, несправедливое распределение доходов. Воз, к сожалению, и поныне там не только в России, но и на «просвещённом» Западе.

Но что же Толстой предлагал взамен тех принципов, на которых основано существование государства и то, что ныне привычно называют демократией?

«Нужна соответственная времени, т.е. степени умственного развития людей, религия. <...> Для того же, чтобы народ мог освободиться от того насилия, которое он по воле властвующих производит сам над собой, нужно, чтобы среди народа установилась соответствующая времени религия, признающая одинаковое божественное начало во всех лю-

дях и потому не допускающая возможности насилия человека над человеком».

Это даже не стоило бы обсуждать – настолько наивно и бессмысленно. Толстой видит в себе нового мессию, который приведёт мир к процветанию. У Христа толком ничего получилось – его последователи так и не смогли обойтись без насилия, силой навязывая христианскую веру. Толстой же рассчитывал на свой авторитет писателя, на всемирную известность – это должно вроде бы способствовать повсеместному распространению его идей. Но что же дальше, после того, как установится новая «религия»?

«О том же, как народ устроится, когда он освободится от насилия, подумает он сам, когда освобождение это совершится, и без помощи учёных профессоров найдёт то устройство, которое ему свойственно и нужно».

Начал за здравие, а кончил, к сожалению, за упокой! Следовало бы простить эти наивные рассуждения писателю, который весь свой интеллектуальный потенциал растратил на создание замечательных произведений. Если бы не одно «но» – ведь эти мысли силой своего авторитета он пытался навязать людям, отвлекая их от поисков правильного пути. Для самого же Толстого единственно верный путь состоял в том, чтобы своими произведениями способствовать нравственному совершенствованию людей, что называется, «улучшать породу». Но он так этого и не понял, хотя в своём творчестве бессознательно следовал этому пути.

Ещё один постулат «учения» Толстого – чтобы найти смысл жизни, надо понять чаяния простых людей:

«Я отрёкся от жизни нашего круга, признав, что это не есть жизнь, а только подобие жизни, что условия избытка, в которых мы живём, лишают нас возможности понимать жизнь, и что для того, чтобы понять жизнь, я должен понять жизнь не исключений, не нас, паразитов жизни, а жизнь простого трудового народа, того, который делает жизнь, и тот смысл, который он придаёт ей».

Искать смысл там, где идёт ежедневная борьба за существование? Где все заботы сводятся к тому, чтобы прокормить свою семью? Можно согласиться с тем, что общество устроено несправедливо, однако ни крестьянин, ни рабочий не в состоянии указать тот путь, который приведёт к справедливому мироустройству и процветанию человечества. В этом смысле, обращение к народу означает признание своего интеллектуального бессилия.

Проблемы возникают у Толстого и в том случае, когда он пытается рассуждать о праве. В апреле того же года он написал «Письмо студенту о праве»:

«Вся эта удивительная так называемая наука о праве, в сущности величайшая чепуха, придумана и распространяема не с легким сердцем, как говорят французы, а с очень определенной и очень нехорошей целью: оправдать дурные поступки, постоянно совершаемые людьми нерабочих сословий. <...> Правом в действительности называется для

людей, имеющих власть, разрешение, даваемое ими самим себе, заставляя людей, над которыми они имеют власть, делать то, что им – властвующим, выгодно, для подвластных же правом называется разрешение делать всё то, что им не запрещено. <...> Права эти определяются законами, говорят на это "учёные". Законами? Да, но законы-то эти придумываются теми самими людьми... которые живут насилиями и потому ограждают эти насилия устанавливаемыми ими законами. Они же, те же люди и приводят эти законы в исполнение, приводят же их в исполнение до тех пор, пока законы эти для них выгодны, когда же законы эти становятся невыгодны им, они придумывают новые, такие, какие им нужно».

По факту Толстой безусловно прав – эти мысли чрезвычайно актуальны и теперь. Если продолжить его мысль, то следует признать, что и религия в той форме, в какой она дошла до наших дней (храмы, поповские проповеди и песнопения) тоже придумана властью имущими для того, чтобы защитить себя от насилия черни, обеспечить её повиновение. Но одно дело отвергать церковь – многим людям она просто не нужна. Другое дело – отвергать государство, основой которого являются законы, т.е. право. Наивно и глупо верить в то, что люди в ближайшей перспективе смогут обойтись без государства. И снова – что же Толстой предлагает нам взамен?

«Самые первые, невысокие требования нравственности, не говоря уже о любви, состоят в том, чтобы не делать дру-

тому, чего не хочешь, чтоб тебе делали, сострадать бедному, голодному, прощать обиды, не грабить людей, не присваивать одним людям того, на что другие имеют одинаковое с ними право, вообще не делать того, что сознаётся злом всяким неиспорченным разумным человеком».

Прекрасно сказано! Однако наивно и глупо верить в то, что люди, живущие на планете Земля, смогут между собой договориться и будут жить в некой общине (христианской, исламской, коммунистической или либеральной), согласовывая все свои поступки с нормами общепринятой морали, основанной на десяти Христовых заповедях. И кто же будет следить за соблюдением этих заповедей? Видимо, сами люди – больше некому. И как же они будут наказывать тех, кто нарушил закон – побивать камнями или отправлять на перевоспитание в трудовые лагеря? Значит, потребуется ещё несколько законов – о том, что считать преступлением, как за это наказывать и т.д. и т.п. И снова приходим к некоему подобию государства и к необходимости насилия.

А вот мнение Корнея Чуковского, которое в 1905 году он изложил в статье «Толстой и интеллигенция»:

«Толстой – это Левин, это Нехлюдов, он искатель, – он выразитель того самого духа, который живёт в наших раскольниках, хлыстах, духоборах, – искатель и потенциальный фанатик того, что он найдёт. Он всегда слишком даже прямолинейно отвергал старых своих богов во имя новой правды, нового добра, – отвергал всё, что шло наперекор этой новой

правде».

На самом деле, Толстой этой правды так и не нашёл – вместо неё ему была дана только иллюзия, иллюзия постижения истины, но это на какое-то время обеспечило ему душевный покой. Стремление к душевному равновесию определяло многие поступки Толстого. Ради этого он отказался от роскоши и привычных удобств, которые являются неотъемлемой частью существования богатого помещика. Толстой переписал всё своё состояние на детей и жену, а затем решил отказаться от прав на свои литературные произведения – на те из них, которые написаны после 1881 года, когда и пришла ему в голову такая мысль. Но в чём причина столь радикальных решений?

Судя по всему, Толстой понял, что не в состоянии изменить мир с помощью своих литературных произведений. Возможно, писал не так и не о том, однако теперь уже нет сил, чтобы написать нечто грандиозное, помимо наставлений, проповедей и пророчеств. Признаться в поражении нельзя. Однако попытка раздать крестьянам землю и отказаться от владения своим имуществом – это и есть признание поражения. Потому что ничего таким образом невозможно изменить, разве что на время успокоить совесть и обрести покой. Если и эта попытка будет неудачной, тогда – бежать! Он начал готовить свой побег ещё в 1897 году, позже передумал, а реализовал последнюю мечту только в 1910 году.

Глава 4. Женская логика, или издержки воспитания

Из воспоминаний Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой, старшей дочери Льва Николаевича:

«Трёх людям я особенно благодарна за своё детство. Отцу, руководившему нашей жизнью и поставившему нас в те условия, в которых мы выросли. Матери, в этих условиях украсившей нам жизнь всеми теми способами, которые были ей доступны, и – Ханне, нашей английской воспитательнице».

Насколько обоснована благодарность отцу – в этом придётся разбираться, поскольку в тексте воспоминаний и в дневниках Татьяны Львовны есть противоречивые признания на этот счёт. Надо сказать, что первая книга воспоминаний, посвящённая детским годам, малосодержательна – длиннющий текст с массой ничего не значащих деталей. Но это вполне естественно, поскольку свои впечатления дочь Толстого стала записывать с четырнадцати лет, когда трудно ожидать от автора глубокомысленных выводов и скрупулёзного анализа собственных поступков, не говоря уже о справедливой оценке поведения окружающих людей. Работая над мемуарами, она оставила ранние записи без изменений, что вполне понятно: жизнь взрослого человека не лег-

ка, а детство было такое ясное и светлое...

Особый интерес представляют воспоминания Татьяны Львовны о том, как отец готовил своих детей к тому, чтобы противостоять превратностям судьбы:

«Нам, детям, было дано самое тщательное воспитание и образование. В доме жило не менее пяти воспитателей и преподавателей и столько же приезжало на уроки (в том числе и священник). Мы учились: мальчики – шести, а я – пяти языкам, музыке, рисованию, истории, географии, математике, закону божьему. Отец был против поступления в среднюю школу не только дочерей, но и сыновей. В семье чуть ли не с самого рождения первых детей было решено, что когда старший сын – Серёжа – достигнет восемнадцати лет, то мы переедем в Москву, а там Серёжа поступит в университет, а меня, старшую дочь – на полтора года моложе Серёжи – будут вывозить в свет. Всё шло как по писаному».

Пять языков – это уже явный перебор! Знания двух европейских языков, помимо русского, вполне достаточно, чтобы поддержать разговор в приличном обществе или прочитать в оригинале произведения наиболее популярных зарубежных авторов. Если есть намерение сделать карьеру в министерстве иностранных дел, можно было бы расширить список. Сам Лев Николаевич, как говорят, был изрядным полиглотом, однако о карьере дипломата для своих детей вроде бы не помышлял. И тем не менее, им приходилось очень нелегко:

«В то время весь день у нас бывал заполнен уроками. Мы

вставали в восемь часов и после утреннего чая садились за уроки. От девяти до двенадцати с перерывом в четверть часа между каждым часом мы занимались с Фёдором Фёдоровичем, с англичанкой и играли на фортепиано. В двенадцать мы завтракали и были свободны до двух часов дня. После этого от двух до пяти опять были уроки с мамá по-французски, по-русски, истории и географии и с папá – по арифметике. В пять часов мы обедали и вечером, от семи до девяти, готовили уроки».

Итого – восьмичасовой «рабочий» день. Не много ли для дворянских недорослей? Разумнее было бы оставить больше времени для чтения книг и спортивных занятий – при тогдашнем уровне медицины закалка и физическая подготовка могли бы уберечь детей от многих бед. Но нет – Льву Николаевичу этого показалось мало, и ко всему прочему добавилась новая «напасть»:

«Вот мы все сидим и пишем дневники: т. е. Илья, я, и мама послала Лёлю [так дома звали Лёву] принести свой. Лёля начал, но у него не идёт, и он бросил».

Толстой считал, что ведение дневников весьма полезно для развития умственных способностей и умения ясно выражать свои мысли – поначалу это был обязательный элемент в его системе образования, но со временем дети к такому занятию явно охладели. Только у Татьяны сохранилась потребность делать записи в дневнике, чтобы хоть как-то привести свои мысли и ощущения в порядок.

В 1888 году Татьяне уже двадцать три года – в этом возрасте многие ровесницы заняты обустройством семейного очага, воспитанием детей, но у неё жизнь складывается по-другому:

«Никогда не надо давать никому читать своего дневника, не перечитывать его самой и никакого значения ему не придавать, потому что пишешь его всегда в самые дурные, грустные минуты, когда чувствуешь себя одинокой и некому пожаловаться. Тогда хоть на бумагу, но надо облегчить себя от своего гнусного настроения, и это удаётся, – сейчас же успокаиваешься».

Примерно то же произошло с её отцом в то время, когда он оказался в клинике Казанского университета, но там было всё куда серьёзнее. Толстой пытался анализировать своё состояние, строил планы, надеясь изменить характер и побороть вредные привычки – его увлекла идея «совершенствования». Однако у женщин всё не так. Как многие девушки, Татьяна мечтала о любви, и вот что она писала за восемь лет до того, как призналась в том, что «одинока и некому пожаловаться»:

«К несчастью, теперь ни в кого не влюблена. Мне этого ужасно не хватает и как-то пусто от этого».

И через два года:

«Мамá мне сказала, что мы зимой поедem в Петербург на неделю... Ведь я там его увижу, но чем это кончится? Самое лучшее было бы, если я его нашла бы по уши влюблённым в

кого-нибудь другого: я думаю, это меня бы вылечило».

И ещё чуть позже:

«Вообще нынче такой день, что просто можно с ума сойти от уныния и отчаяния. Мне ещё он так нынче живо вспомнился, и так показалось невероятно, чтобы я его когда-нибудь увидела. Странно, я всегда уверена, что если я только его увижу, то сумею заставить его полюбить меня, даже если он и разлюбил. <...> На меня такое уныние нашло, такое моё положение безвыходное, что просто жить не хочется».

А между тем, выйдя в свет, восемнадцатилетняя Татьяна оказалась в обществе весьма привлекательных молодых мужчин, где пользовалась заслуженным успехом – умна, образованна, общительна и довольно привлекательна. Что ещё требуется, чтобы вскружить голову мужчине? Среди её поклонников были князя Урусов и Мещерский, граф Олсуфьев, граф Капнист. Но вот проходит ещё девять лет, и появляется такая запись в дневнике:

«Меня странная преследует мысль – как кошмар – что я наверное выйду замуж за Стаховича. <...> Я себе постоянно представляю это, и когда думаю об этом, мне это кажется желательным, меня всю захватывает это чувство, сердце колотится и мне стыдно и страшно этого чувства. Но когда я хладнокровно представляю себя женой его, то я прихожу в ужас. Одна церемония свадьбы в его семье чего стоит. Благословения, поздравления и т. д. А потом воспитание детей, различные взгляды на жизнь, на религию, на всё на свете,

и, главное, никогда я не могла бы ему вполне верить. Меня последнее время эта мысль мучила чуть ли не до сумасшествия».

Странные мысли! То ли Татьяна боится неизвестности, которая ожидает её за пределами привычного семейного круга. То ли придумывает отговорки, не решаясь кардинально изменить свою жизнь. Пожалуй, основная причина в том, что не смогла полюбить. Молодость уходит и потому следует поторопиться, но если нет любви, нужна хотя бы вера. А что делать, если веры нет?

Лев Николаевич предвидел подобную ситуацию, когда писал письмо своей двоюродной тётке Александре Андреевне Толстой, камер-фрейлине русского императорского двора:

«Таня – 8 лет. Все говорят, что она похожа на Соню, и я верю этому, хотя это также хорошо, но верю потому, что это очевидно. <...> Она не очень умна. Она не любит работать умом, но механизм головы хороший. Она будет женщина прекрасная, если бог даст мужа. И вот, готов дать премию огромную тому, кто из неё сделает новую женщину».

Ждать пришлось довольно долго – старшая дочь Толстого вышла замуж, когда ей исполнилось тридцать пять лет. Но почему так поздно? Возможно, всему виной неразделённая любовь ещё в ранней юности, однако не исключено, что были куда более веские причины.

Видимо, и сама Татьяна Львовна была не в состоянии этого понять:

«Я всю жизнь была кокеткой и всю жизнь боролась с этим. <...> Иногда я жалею о том, что я так боролась с этим. Зачем? Но как только простое кокетство начинает переходить в более серьёзное чувство, то я опять это беспощадно ломаю и прекращаю. <...> Мне жаль того, что я совсем потеряла то страстное желание остаться девушкой, которое было последние года и особенно было сильно после "Крейцеровой сонаты"».

Так вот, оказывается, в чём дело! Авторитет знаменитого отца, его наставления и проповеди, его идеи, выраженные в литературной форме – всё это привело к тому, что жизнь Татьяны была сломана. Она всё время шла за своим отцом, как замороженная, не понимая, зачем и почему. Прозрение наступит у неё гораздо позже.

А между тем, прежние поклонники уже остепенились, и будущего мужа пришлось искать среди женатых мужчин. Сначала возникла взаимная симпатия с одним из сподвижников отца, Евгением Ивановичем Поповым. Но что это за жизнь, если у мужа ни кола, ни двора, а в голове только мысль о всеобщей справедливости? В итоге Татьяна Львовна решила, что «лучше жить свободно и врозь». С Сухотиным так не получилось.

Потомственный дворянин, землевладелец Михаил Сергеевич Сухотин первым браком был женат на фрейлине императорского двора Марии Михайловне Боден-Колычевой. Ко времени знакомства с Татьяной Львовной у него было ше-

стеро детей, ещё не достигших совершеннолетия, так что разрушение такой семьи никак нельзя было оправдать – даже какой-то «неземной» любовью. Объяснение можно найти в дневнике Татьяны Львовны. Вот характерное признание, сделанное в 1890 году:

«Сколько морали я пишу для себя, и как мало она меня совершенствует».

Ну а когда началось серьёзное увлечение Сухотиным, Татьяна Львовна пишет:

«Вчера Маня [сестра] бранила меня за Сухотина. Говорила, что в Москве о нас сплетничают. Мне всё равно. Маня предупреждала меня против него, но и это бесполезно».

Бесполезно ещё и потому, что всё началось гораздо раньше, чем возникли эти сплетни:

«Я влюбилась в Сухотина, и так остро, как, пожалуй, никогда ещё не влюблялась. Я всегда чувствовала эту возможность с того дня, как я его видела у Дьяковых почти мальчиком, а я была почти ребенком. С тех пор всякий раз, как он был ко мне особенно ласков или когда другие говорили мне, что он любит меня, – меня это волновало и радовало. Но не было <...> ревности, не было потребности его присутствия или писем. И вдруг <...> всё это выползло наружу во всем своём безобразии».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.